

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
Ответственный за рубрику: *Муслимов С.Ш.*
© Исламоведение. 2020. Т. 11, № 4 (46)

ACADEMIC LIFE
Person in charge of the section: *Muslimov S.Sh*
© Islamic Studies (Islamovedenie). 2020. Vol. 11, № 4 (46)

DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-4-95-106

УДК 297.1	Содержание статьи	Информация о статье
<i>Т.Э. Кафаров</i> ¹	Введение Основные работы и трудности утверждения концепции ученого Отдельно о творчестве М. Казем-Бека О суфизме и его региональных вариантах Вместо заключения	Поступила в редакцию: 16.09.2020. Передана на рецензию: 23.09.2020. Получена рецензия: 05.10.2020. Принята в номер: 25.11.2020.

**У истоков дагестанской философии и исламоведения
(к 90-летию со дня рождения и 70-летию научно-педагогической и общественной деятельности М.А. Абдуллаева)**

Дагестанский государственный медицинский университет; kafarov.56@mail.ru

В статье освещаются некоторые важные философские и исламоведческие воззрения и труды известного российского, дагестанского ученого Магомеда Абдуллаевича Абдуллаева. Отмечаются широта, глубина и актуальность поднятых проблем в многочисленных монографиях и статьях, особенно таких, как специфика ислама на Кавказе и в Дагестане, своеобразии регионального суфизма. Благодаря работам Магомеда Абдуллаевича были сохранены в исторической памяти оригинальные взгляды десятков мыслителей, представляющих многонациональную республику. Подчеркивается, что он не только ученый академического плана, но и публицист, чьи работы по актуальным религиозным проблемам сыграли конструктивную роль в особенно драматические периоды развития страны и республики. Преодолевая стереотипы в оценке ислама, сложившиеся в советский период развития страны, исследователь показывает, что он является интегрирующим фактором для всей культуры и жизни дагестанцев.

Ключевые слова: *Абдуллаев Магомед Абдуллаевич, философская мысль Дагестана, исламоведение, арабо-мусульманская культура, суфизм, тарикат, мюридизм.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-4-95-106

UDC 297.1	Content of the article	Information about the article
<i>T.E. Kafarov</i> ²	Introduction. Main works and difficulties in approving the scientist's concept. Separately about the work of M. Kazem-Bek. About Sufism and its regional variants. Instead of a conclusion.	Received: 16.09.2020. Submitted for review: 23.09.2020. Review received: 05.10.2020. Accepted for publication: 25.11.2020.

¹ *Тельман Эмиралиевич Кафаров* – профессор, заведующий кафедрой философии ДГМУ, доктор философских наук.

² *Telman Emiraliyevich Kafarov* – Dr. of Sc. (Philosophy), professor, head of the Philosophy Department, Dagestan State Medical University.

At the Origins of Dagestan Philosophy and Islamic Studies
(to the 90th anniversary of the birth and 70th anniversary of the scientific, pedagogical and social activities of M.A. Abdullaev)

Dagestan State Medical University; kafarov.56@mail.ru

The article highlights some important philosophical and Islamic views and works of the famous Russian, Dagestani scientist Abdullaev Magomed Abdullayevich, in connection with his 90th anniversary of the birth and 70th anniversary of scientific, pedagogical and social activities. The author notes the importance and relevance of the problems raised in numerous monographs and articles, especially the specifics of Islam in the Caucasus and Dagestan, and the uniqueness of regional Sufism. Thanks to the works of Magomed Abdullayevich, the original views of dozens of thinkers representing the multinational Republic were preserved in historical memory. It is emphasized that he is not only an academic scientist, but also a publicist whose works on topical religious issues played a constructive role in particularly dramatic periods of the development of our country and our republic. Overcoming the stereotypes in assessing Islam that formed during the Soviet period of the county's development, he shows that it is an integrating factor for the entire culture and life of Dagestanis.

Keywords: *Magomed Abdullayev, philosophical thought of Dagestan, Islamic studies, Arab-Muslim culture, Sufism, tariqa, Muridism.*

Введение

Необходимо отметить, что представители многонационального Дагестана достигли немало в сфере философии. Достаточно вспомнить трагически погибшего заведующего кафедрой философии естественных факультетов МГУ проф. Х.М. Фаталиева, или академика А.А. Гусейнова, руководившего длительное время Институтом философии РАН, чей авторитет признан во всем мире. Вне всякого сомнения в этом перечне на самом почетном месте находится и первый на Северном Кавказе доктор философских наук, профессор Абдуллаев Магомед Абдуллаевич, который в этом году отмечает 90-летний юбилей. Можно смело утверждать, что он один из старейших отечественных философов, продолжающих активно работать и творить. Им создана эффективно действующая в последние десятилетия научная школа, формирующая духовный и культурный ландшафт республики и всего Кавказа, давшая стране и региону немало известных исследователей по философии, религиоведению, исламоведению, культурологии и политологии.

В своих изысканиях Абдуллаев приходит к выводу, что ислам является эффективной идеологической основой, теологической оболочкой и интегрирующим фактором для всей культуры, выполняя в ареале своего распространения, в том числе в Дагестане, в целом конструктивную, созидательную функцию. Важным объектом изучения ученого, наряду с историей философской и общественно-политической мысли народов Дагестана, являются мусульманский деизм, суфизм и его кавказские разновидности, исламское просветительство и революционный, прежде всего крестьянский, демократизм, пути налаживания эффективного межконфессионального, межнационального и межкультурного диалога.

Многогранная неутомимая деятельность юбиляра по реконструкции нашего духовно-философского наследия сопровождалась как откровенным неприятием на начальном этапе, так и заслуженным признанием впоследствии.

Все награды, звания и иные регалии, свидетельствующие о его достижениях и общественном признании, трудно перечислить: Заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Дагестан, почетный работник высшего

профессионального образования РФ, дважды лауреат Государственной премии РД, обладатель многочисленных престижных общественных премий и конкурсов; действительный член международной академии информатизации и 19 лет бессменно (со дня создания) президент ее дагестанского отделения, исполнительный директор регионального общественного благотворительного фонда им. Шейха Абдурахмана-хаджи ас-Сугури, главный редактор журнала научной общественности республики «Научный мир» и информационного бюллетеня «Наше культурное наследие», почетный председатель республиканского отделения Российского философского общества. О нем написано немало статей в научных журналах и средствах массовой информации [1; 10; 12–13; 17–19].

Основные работы и трудности утверждения концепции ученого

В основных справочно-энциклопедических изданиях, в том числе и электронных, его портрет представлен достаточно полно [8; 9]. В 1964 году защитил докторскую диссертацию «Философская и общественно-политическая мысль народов Дагестана в XIX веке», которая представляет собой одно из первых в республике и на Северном Кавказе серьезных философских, религиоведческих и политологических исследований.

М.А. Абдуллаев – автор более 40 монографий, 15 учебных пособий и учебников для вузов, которые несколько раз переиздавались, более 400 статей в сборниках, журналах и т. д.; он организовал и редактировал издание множества сборников статей. Под его руководством подготовлено 6 докторов и 30 кандидатов наук, многие из которых стали известными учеными. Длительное время руководил кафедрами философии в Дагестанском государственном университете и медицинском институте (ныне университет).

Среди написанных им монографий можно выделить следующие: Казем-Бек – ученый и мыслитель (1963); Мыслители Дагестана XIX – начала XX в. (1963); Философская и общественно-политическая мысль в Дагестане в XIX в. (1964); Али Каяев (1968) (в соавт.); Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX в. (1968); Некоторые вопросы теологии ислама (1973); Северный Кавказ в объективе антикоммунизма (1975); Из истории научной и педагогической мысли досоветского Дагестана (1986); Общественно-политическая мысль в Дагестане в начале XX в. (1987); Философия в свете переоценки духовных ценностей (1991); Из истории философской и общественно-политической мысли Дагестана (с древнейших времен до присоединения к России (1993); Актуальные проблемы философской науки (2001); Суфизм и его разновидности на Северо-Восточном Кавказе (1-е изд. – 2000; 2-е изд. – 2003); Средневековая арабомусульманская культура и ее влияние на современный Дагестан (2006); Мыслители Дагестана: досоветский период (2007); Актуальные проблемы национальных отношений (2013); Триумф и трагедия шейх-уль-ислама Дагестана Али-Хаджи Акушинского (2013). Он также является соавтором многих фундаментальных научных трудов, в том числе 5-томной Истории философии СССР. Необходимо также отметить некоторые его статьи в руководящих печатных изданиях и органах массовой информации страны, которые были резонансными и чрезвычайно актуальными в свое время для становления региональной демократии и созидательной духовности [4; 5].

Основное направление научных исследований Абдуллаева М.А. – история философской, общественно-политической и исламоведческой мысли в Дагестане. В его трудах раскрываются культурные, духовные и философские традиции народов Дагестана и преодолевается бытовавшее в определенный период в отечественной науке нигилистическое отношение к региональному философскому и исламскому

дискурсу. Это выражалось в том, что и в официальных партийных документах, и в научной литературе чуть ли не отрицалось наличие сколько-нибудь серьезных философских, историко-философских и исламоведческих исследовательских традиций, национально-культурная и духовная идентичность ограничивалась исключительно социально-психологическим укладом, фольклором и традиционной обрядовой спецификой.

Для подобного оценочного отношения к исламу и региональной философии были объективные и субъективные причины. К одной из объективных причин такой недооценки в массовом и исследовательском сознании нужно отнести прежде всего отсутствие переводов первоисточников на русский язык. Основная источниковая база по региональному исламу была, как правило, представлена шестью иностранными, прежде всего арабским, и семью языками народов СССР [19, с. 94]. Поэтому можно утверждать, что главная заслуга юбиляра в то время заключалась в преодолении этой объективной основы для недооценки роли арабо-мусульманской и региональной философской культуры.

В качестве же основной субъективной (да и объективной) причинной составляющей следует выделить прежде всего саму духовную ситуацию того времени. В условиях идеологического и философского монизма, в атмосфере воинствующего атеизма и догматизма многие утверждения М.А. Абдуллаева не только не получали соответствующей официальной поддержки, но и подвергались остракизму, что в тот период значительно усложняло процесс его творческого становления. И такое нежелание понять созидательные возможности ислама властными структурами проявилось уже после выхода самой первой его монографии [2]. В соответствии с основными директивными идеологическими установками обкомом КПСС книга была признана вредной, где отсутствует классово-партийный подход, проявляющийся в идеализации патриархально-феодалного прошлого, мусульманской культуры и образа жизни. В связи с этим академик РАН Г.Г. Гамзатов отмечал, что труды М.А. Абдуллаева начали будоражить научную общественность еще в 60-е годы. «В них затрагивались новые, во многом неизвестные пласты культурно-философского наследия народов Дагестана, оспаривались вульгаризаторские и нигилистические подходы к его восприятию, и сама новизна такой постановки проблемы не оставила равнодушных. Всем еще памятны тяжкие упреки и обидные ярлыки, которых «удостаивался» М.А. Абдуллаев. Теперь все это позади, и мы не можем не осознавать, что дело, за которое так смело он взялся, было, в сущности, началом нового направления в научном осмыслении и интерпретации духовного прошлого народов Дагестана» [12].

Как вспоминает сам автор, 17 его работ, в том числе три монографии, были изъяты или приостановлены в печати по идеологическим соображениям за идеализацию ислама, мусульманской культуры и духовенства. Можно смело утверждать, что в таких условиях для защиты своей точки зрения и авторской правоты требовалось достаточное мужество. Поэтому не случайно в 2010 году, будучи директором Института философии РАН, акад. А.А. Гусейнов отметил, что направление деятельности М.А. Абдуллаева, связанное с реконструкцией нашего интеллектуального наследия, должно быть оценено очень высоко. Даже слова «научный подвиг» не были бы излишними в данном случае. Он был первооткрывателем, зачинателем исследований в этой области» [10, с. 31].

Как замечает один из авторитетных ученых Азербайджана акад. Ф. Кочарли «...в результате исследований М.А. Абдуллаева совершенно изменилось представление об уровне развития духовной культуры народов досоветского Дагестана. Мы долго не хотели поверить, что в Дагестане были столь развиты наука

и культура» [6, с. 6]. И подобных оценок именитых коллег юбиляра можно привести множество.

Отдельно о творчестве М. Казем-Бека

Для иллюстрации такой неоднозначной духовной ситуации и сложной драматургии творчества М.А. Абдуллаева в тот период можно привести пример нескольких публикаций, связанных с исследованием творческого наследия М.К. Казем-Бека, основателя факультета востоковедения Санкт-Петербургского университета. Как известно, партийные органы и многие ученые резко отрицательно отнеслись к авторской тональности публикаций об этом ученом и оценили их как «пропаганду монархиста и профессора императорского университета», чьи взгляды несовместимы с социалистической идеологией и культурой соцреализма. Особенно неприязненно к этим публикациям отнеслись исламские ученые и проповедники, которые однозначно оценивали Казем-Бека как изменника, вероотступника, поскольку он на своем жизненном пути обратился к христианству. Другие утверждали, что Казем-бек вообще не имеет никакого отношения к Дагестану, поскольку он азербайджанец по происхождению. Магомед Абдуллаевич нашел в архивах (как ответственный работник обкома партии он имел доступ к этим материалам) десяток автобиографий Казем-Бека, в которых он называет себя «персиянином из Дагестана», родившимся в семье шейх-уль-ислама Дербентского ханства. Кроме того, он никогда не терял связи со своей родиной и написал немало работ, в том числе одним из первых дал объективную оценку движению горцев в XIX в. и личности Шамиля.

История подтвердила правоту М.А. Абдуллаева, доброе имя нашего знаменитого соотечественника восстановлено, свидетельством чему являются несколько важных научных конференций, которые прошли в Санкт-Петербурге, Казани и Махачкале [14; 23]. Уже изданы некоторые работы Казем-Бека и серьезные работы о нем [15; 25].

Конечно, Мирза Александр Казем-Бек – личность неоднозначная, столь же одаренная, сколь и противоречивая, в которой переплелись Санкт-Петербург, Татарстан и Дагестан. Но, несомненно одно: он был настоящим подвижником науки, особенно востоковедения, тюркологии и исламоведения, что способствовало более объективному и глубокому пониманию многоконфессионального и поликультурного мира. Поэтому вполне заслуженно книга М.А. Абдуллаева о Казем-Беке получила высокую оценку у общественности и специалистов.

О суфизме и его региональных вариантах

Идеология суфизма начала формироваться еще в VII в. Можно смело утверждать, что это наиболее «философское» направление в исламе. Не случайно суфийской философии и методологии посвящается много серьезных исследований, в том числе работы нынешнего руководителя Института философии РАН А.В. Смирнова. Популярность суфизма среди философов объясняется прежде всего полноценным возрождением в нем места и роли субъекта, человека. Ведь не секрет, что в классическом исламе эта роль несколько завуалирована и недооценена. Это дает даже некоторым радикальным мыслителям называть ислам «бессубъектным мировоззрением» [22, с. 83; 24, с. 60–61]. Конечно, с подобной позицией трудно согласиться, поскольку бессубъектного мировоззрения, сколь бы громко ни провозглашали «смерть субъекта» представители постмодернизма, вообще быть не может, речь может идти только о разной степени и очевидности представленности субъекта в различных структурах мировоззрения [20].

Необходимо также заметить, что в этом же заключается корень откровенной «нелюбви» суфиев среди ортодоксальных исламистов. Это связано с тем, что суфии пытались реформировать ислам как религию божественного откровения, указав «прямой» путь к Богу без всевозможных посредников и священников, за что они всегда подвергались гонениям.

В истории культуры суфизм принимал различные формы и направления, но суть оставалась неизменной: через нравственное совершенствование и аскезу познать непосредственно Бога и слиться с Ним. Несомненной заслугой проф. Абдуллаева М.А. является всестороннее рассмотрение региональных модификаций суфизма, чему он посвятил несколько монографий и множество статей.

Например, одним из серьезных вкладов в разработку региональных вариантов суфизма стало издание материалов рукописи южнодагестанского аима XI в. Мухаммада Мусы ад-Дарбанди «Райхан ал-Хакаик ва бустан ад-дакаик» (Базилик истин и сад тонкостей). А статья Магомеда Абдуллаевича об этом мыслителе в «Вопросах философии» получила в свое время высокую оценку у специалистов Института философии, востоковедов и общественности [3].

Как отмечают исследователи, идеи рукописи ад-Дарбанди помогли автору пересмотреть некоторые вопросы истории Северного Кавказа и Дагестана, особенно связанные с суфизмом. Например, ранее утверждалось, что тарикатский мюридизм был привнесен на Северный Кавказ из Турции или даже Средней Азии и никакой связи с суфизмом не имеет. Например, Н.А. Смирнов заявляет, что кавказский тарикат представляет собой «совершенно самостоятельное явление, возникшее в своеобразных условиях Кавказа XIX в., главным требованием которого является газават» [25, с. 148]. Следовательно, нет никакой существенной связи тарикатского мюридизма с суфизмом, поскольку в его основе лежит символика газавата – священной войны, весьма далекой от принципов суфизма.

Согласно М.А. Абдуллаеву, все тарикатские мюриды следовали суфийским постулатам, они были аскетами и мистиками и не могли участвовать в газавате. Известно, что последний был знаменем национально-освободительной борьбы глубоко религиозных горских крестьянских масс, вверенных административно-территориальным единицам имамата – наибам, называвшимся по исламским традициям наибскими мюридами. Таким образом, не следует смешивать тарикатских мюридов с наибскими мюридами. Заслуга Магомеда Абдуллаевича заключается в обосновании того, что тарикатский мюридизм накшбандийского толка является основной кавказской модификацией суфизма. Он базируется на тех же известных постулатах суфизма, ориентированных на интуитивно-мистическое постижение Бога и возможность духовного общения с Ним, что вытекает из статуса человеческой души как части божественной души, именуемой Духом.

В 1988 г. юбиляр издал монографию, посвященную деятельности влиятельного тарикатского суфия шейха Абдурахмана-хаджи-ас-Сугури, где обобщил его творческое наследие на арабском и местном языках. Позже монография несколько раз переиздавалась с существенными авторскими дополнениями и исправлениями.

Можно без преувеличения утверждать, что особо значимой вехой в изучении регионального суфизма является издание в 2001 г. и переиздание в 2002 г. монографии «Суфизм и его разновидности на Северо-Восточном Кавказе», в которой ученый на основе тарикатских первоисточников раскрывает деятельность и воззрения 12 шейхов Дагестана и Чечни, четверо из которых жили в Турции. Ценность этой пионерской работы Абдуллаева М.А. состоит также и в том, что к ней прилагались сами работы шейхов, переведенные на русский язык. Это имело огромное значение для развития образования и распространения просвещения, а также для формирования

правильных представлений об уровне духовности и распространении знаний среди горцев.

Самостоятельную ценность представляют его исследования о сущности, назначении, идеологии мюридизма. Не секрет, что в исторической оценке идеологии и практики мюридизма, его роли в освободительном движении на Кавказе, в оценке деятельности имама Шамиля и других персонажей, существуют самые различные и противоположные мнения. Изучая исторические документы и первоисточники, Магомед Абдуллаевич пришел к выводу, что тарикатский мюридизм является кавказской модификацией суфизма, сформировавшейся на основе идеологии тариката накшбандийского толка, своеобразной попыткой практического воплощения символики суфийского вероучения.

В связи с этим чрезвычайно интересной является проблема времени появления на Кавказе идеологии тарикатского мюридизма, поднятая еще в 1968 г. в монографии «Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX веке». Казем-бек, Али Каяев и другие мыслители полагали, что эти идеи были известны еще в X–XIII веках. На основе сочинения одного из идеологов тариката Джамалудина Казикумухского «Адабуль-Марзия» и высказываний других шейхов ученый приходит к выводу о более позднем распространении идей тарикатского мюридизма – в XIX в., в качестве идеологии освободительного движения горцев.

В плане сказанного представляют интерес две статьи юбиляра, опубликованные в сборнике «Актуальные проблемы философской науки» в 1999 г. В первой статье он отмечает спорность и вариативность в определении сущности мюридизма и его роли в освободительном движении на Кавказе, места в духовной жизни горцев. Здесь автор провел интересный сравнительный анализ источников тарикатского мюридизма и суфизма и доказал, что они базируются на тождественных постулатах. Поэтому его с полным основанием можно считать разновидностью суфизма.

В другой статье этого сборника под названием «Был ли тарикат идеологией освободительной борьбы горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX века?» Магомед Абдуллаевич обосновывает, что тарикат не мог быть и не был идеологией освободительной борьбы, поскольку, в отличие от газавата, – это призыв не к борьбе, а, напротив, к отказу от общественно-политической жизни, уход в себя в целях сосредоточения всей духовной энергии для богопознания.

Как отмечает автор, не все соглашались на такой пассивный бездеятельный, как им казалось, путь богопознания и отказывались от тариката. Так, Казимагомед, мюрид шейха Мухаммада Ярагского, категорично заявил: «Я не хочу сидеть на бурке, перебирая четки» [7, с. 25].

Таким образом, автором выстраивается совершенно оригинальная концепция тариката и мюридизма, сближающая их с суфизмом. Для доказательства этого под них подводится убедительная философская база, они оказываются разновидностями религиозно-пантеистического учения, согласно которому бог представляется субстанциональной основой всего сущего, а конкретные вещи – его акциденциями, единичными проявлениями. Отсюда познание мира тождественно познанию бога, возможное только через «ишракийя» – озарение, просветление, экстаз. Такой путь познания мира через бога возможно и нужно пройти под руководством шейха, муршида и включает несколько ступеней духовно-нравственного совершенствования. Для этого мюрид (искатель истины) должен предварительно «очистить сердце от всякого рода познания и образа предметов», внутренне уединиться до тех пор, пока «придет в такое состояние, что не чувствует ни своего существования, ни существования другого, кроме только творца...» [16, с. 13].

Для глубокого понимания регионального суфизма важна еще другая его монография «Мыслители Дагестана», изданная в 2007 году. Здесь автор рассматривает три основные разновидности тариката, наиболее распространенные на Кавказе, возникшие в хронологической последовательности – накшбандийский, образовавшийся в первой половине XIX в.; кадирийский, появившийся несколько позже – во второй половине этого же века; шазилийский, оформившийся уже в XX в. Содержательно они в основном совпадают, поскольку их общей целью является познание божественных истин через сближение и единение с богом. На этом пути мюрид под руководством шейха должен пройти ряд ступеней: *шариат* (свод исламских законодательных установок); *тарикат* (усвоение суфийской теории и практики); *марифат* (мистическое познание) и *хакикат* (достижение истины).

Различия же между этими толками касаются не концептуальной, содержательной стороны, а, скорее, обрядовой, также определенным образом связанной с суфизмом. Во-первых, несколько иначе в них осуществляется известный обряд «зикр» – поминание Бога: первый тарикат отдает предпочтение «тихому» зикру (хафи) – он происходит в тишине, поскольку общение мюрида с Богом не требует суеты, тогда как кадирийский тарикат предпочитает «громкий» зикр (джахр). Во-вторых, из этого вытекает и другая особенность, связанная с различным пониманием механизма *уединения*, необходимого всякому суфию, которое в свою очередь бывает наружным и внутренним. Первая форма уединения совершается по отношению к людям для того, чтобы ничто не отвлекало мюрида от внутреннего созерцания, благодаря чему он становится существом, удалившимся от всего. Согласно же накшбандийскому тарикату, лишь внутреннее уединение позволяет наладить душевный контакт с Богом. В-третьих, они различаются также ареалами своего распространения. Кадирийский тарикат в основном распространен в Чечне и соседних с ней районах Дагестана. Его особенности хорошо исследованы известным чеченским ученым В.Х. Акаевым [11].

Важной особенностью многих работ Магомеда Абдуллаевича, усиливающей их ценность и эвристические возможности, является то, что в них приводятся переводы на русский язык наиболее авторитетных суфиев: Ибн Араби, ал-Газали, Б. Накшбанда, Кунта-Хаджи, Абдурахмана-хаджи Согратлинского, Джемала Казикумухского и многих других.

Если попытаться кратко и емко выразить то, что сделал М.А. Абдуллаев в области религиоведения и исламоведения, то можно сказать следующее: во-первых, он попытался сам понять исламское вероучение, деформированное известной историей нашей страны; во-вторых, он сделал очень много, чтобы это вероучение поняли разумом и сердцем другие, особенно те, кто был воспитан в духе воинствующего атеизма. Для этого необходимо было перевести исламское вероучение с языка догматов на рациональный язык понимания, что возможно лишь при условии перевода всей символики ислама на уровень философского дискурса.

Не секрет, что недавнее наше марксистское и советское прошлое также, мягко говоря, не очень способствовало развитию исламской философии. Во-первых, вся культура, образование и система воспитания были построены или на атеизме, или на нерелигиозном фундаменте. Во-вторых, марксистско-ленинская философия – это попытка материалистического переосмысления гегелевской системы, где в философии религии вообще не нашлось места исламу. Поэтому исламская философия изучалась лишь под определенным углом зрения и преимущественно в некоторых регионах. Такая же ситуация сохранялась в преподавании философии и философских наук в системе высшего образования. В большинстве учебников по философии даже не было раздела или параграфа, специально посвященного исламской философии.

Как справедливо отмечают в литературе, народы и культуры мусульманского мира, мягко выражаясь, не самые «философские». Разумеется, не следует это рассматривать как их недостаток или преимущество. Такая особенность этих народов и культур показывает лишь то, что им более комфортно в реальном, чувственном и осязаемом мире, нежели в сверхчувственных и трансцендентных состояниях сознания, без которых собственно и невозможно философствование.

Традиционная же исламская культура больше утверждает свой менталитет через механизмы веры, обрядность и строгое соблюдение коранических догматов, через образ жизни, на основе глобального предопределения и фатализма, чем через инструменты сознания и знания. Принцип «гармонии веры и разума», олицетворявший и продолжающий олицетворять состояние европейского духа, определяющий вектор взаимодействия философии и религии последнего тысячелетия, в меньшей степени отражался и отражается в исламе, нежели в других религиозных конфессиях. Возможно, этим объясняется и то, что сложившиеся в исламском мире философские традиции не обрели глубокого и устойчивого характера.

Поэтому исторически получилось так, что исламское вероучение, пожалуй, за исключением суфизма, никогда не находилось в фокусе серьезных философских школ, как это было в истории иудаизма, конфуцианства и христианства. Не секрет, что «философизация» этих религий происходила более энергично, нежели в исламе.

Между тем исламское вероучение рассматривает себя прежде всего как знание о правильном устройстве земной жизни и о путях обретения счастья после смерти, а доисламскую эпоху – как период невежества («джахилия»), когда люди были лишены такого знания. В Коране четко расставлены акценты: «...скажи: разве сравнятся те, которые знают, и те, которые не знают?» [39:12]*.

В главной книге мусульман рефреном проходит призыв-предостережение: «Быть может вы уразумете»; «Воистину, во всем этом и знамении для разумных людей»; «Неужели вы не разумеете?» и т. д. Постоянная «включенность» сознания, неослабеваемость интеллектуального напряжения – это, согласно Корану, естественное состояние правомерного мусульманина. Поэтому Священная книга мусульман осуждает любые действия, вызывающие помутнение рассудка, лишение человека душевного спокойствия, – все, что распаляет страсти. Тем не менее, представляется, что исламу до сих пор не хватает таких мыслителей, которые бы способствовали эффективному включению своего вероучения в активный философский дискурс.

Отрадно отметить, что в настоящее время в республике процесс философского осмысления религии (и в первую очередь ислама) осуществляется достаточно интенсивно. Во-первых, открыт и успешно функционирует факультет психологии и философии, готовящий квалифицированных специалистов, в том числе по философии религии и религиоведению. Во-вторых, набирает свою популярность в стране и за её пределами журнал «Исламоведение», практически реализующий принцип гармонии веры и разума, который напрочь игнорируют сторонники радикализации ислама. В-третьих, недавнее присвоение теологии статуса научной дисциплины со всеми вытекающими из этого следствиями может значительно ускорить процесс философизации религии. В-четвертых, обострившаяся в последние годы борьба с ваххабизмом, салафизмом и другими исламскими деструкциями потребовала усиления удельного веса рациональных аргументов для укрепления вероучения. В-

* Ссылка на Коран дается по изд.: Коран / пер. И.Ю. Крачковского. – Душанбе, 1999. Первая цифра (римская) обозначает номер суры, а вторая (арабская) – номер аята.

пярых, этому способствовали также изменения в государственной политике и тактике действий ДУМ по отношению к самому исламу, заключающиеся в отходе от грубых нападков, увлечений всевозможными запретительными действиями и гонениями, формирование более гибкой, опирающейся на разум и здравый смысл, стратегии и тактики.

Профессору Абдуллаеву М.А. было намного сложнее, он, можно сказать, стоял у истоков процесса рационализации ислама через философское осмысление. Очень часто его не понимали, запрещали, в лучшем случае советовали, что следует, а что не следует говорить об исламе. Как подтверждают очевидцы и коллеги, он страдал, мучился от бессилия изменить что-то, но никогда не сдавался. И жизнь показала, что М.А. Абдуллаев во многом был прав, он положил начало объективному освещению богатейшего мусульманского культурного наследия.

Всей своей жизнью и творчеством юбиляр всемерно способствовал процессу сближения философии и ислама, за что, несомненно, мы должны быть ему благодарны.

Вместо заключения

Учитывая тематическую направленность журнала, мы обратили внимание на те работы и идеи М.А. Абдуллаева, которые имеют непосредственное отношение к исламоведению, и не коснулись обширного круга его интересов по другим отраслям знаний: известных работ по теории и практике национальных отношений, философии науки, культурологии. Мы не затронули его публицистическую, педагогическую и общественно-политическую деятельность. Да и многие исламоведческие и религиозоведческие исследования автора остались в стороне. Надеемся, что у нас будет возможность сказать и об этом к последующим торжественным датам юбиляра.

Несмотря на преклонный возраст, Магомед Абдуллаевич вовсе не утратил творческой активности, значит, нас ждут новые исследования маститого философа.

Редколлегия журнала «Исламоведение» поздравляет профессора М.А. Абдуллаева, с юбилеем, желает здоровья и дальнейших творческих успехов.

Литература

1. *Абдулкадыров Ю.Н., Гасанов Н.Н.* Подлинный патриот Дагестана и России // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 1. – С. 359–364.
2. *Абдуллаев М.А.* Мыслители народов Дагестана XIX и нач. XX веков. – Махачкала, Дагкнигоиздат, 1963.
3. *Абдуллаев М.А.* Важный источник средневекового суфизма // Вопросы философии. – 1987. – № 7. – С. 82–90.
4. *Абдуллаев М.А.* Противоречия в сфере национальных отношений // Коммунист. – 1990. – № 17. – С. 41–46.
5. *Абдуллаев М.А.* Стабилизировать межнациональные отношения // Свободная мысль. – 1995. – № 9. – С. 39–42.
6. *Абдуллаев М.А.* Мухаммад из Кудутля и его школа. Из культурно-философского наследия Дагестана. Ч. I. – Махачкала: Юпитер, 1994. – 180 с.
7. *Абдуллаев М.А.* Актуальные проблемы философской науки. сборник статей. – Ч. I. – Махачкала: Эпоха, 1999. – 320 с.
8. *Алексеев П.В.* Философы России XIX–XX столетий. – М.: Академический проект, 2002. – 1152 с.
9. *Алексеев П.В.* Философы России начала XXI столетия. Биографии, идеи, труды. Энциклопедический словарь. – М.: РОССПЭН, 2009.

10. Алиев А.К., Кафаров Т.Э. К 80-летию со дня рождения и 60-летию научной педагогической и общественной деятельности М.А. Абдуллаева: сб. ст. – Махачкала: Эпоха, 2010. – 220 с.
11. Акаев В.Х. Суфийская культура на Северном Кавказе: теоретические и прикладные аспекты. – 2-е изд., перераб. и доп. – Грозный: Книжное издательство, 2011. – 208 с.
12. Гамзатов Г. Книга о серьезных проблемах // Дагестанская правда. – 1988. – 9 апр.
13. Гасанов Н.Н. Ученый, педагог, человек // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 6. – С. 195–205.
14. Казембековские чтения: материалы Междунар. науч.-образ. конф. Махачкала, 26–27 февраля 2019 г. / отв. ред. А.М. Абдулатипова; ДГИ; СПБГУ. – Махачкала: Даг. гуманит. ин-т, 2019.
15. Казем-Бек М. Шамиль и мюридизм. – Махачкала, 1990.
16. Казикумухский Джемал ад-Дин. Адаб ал-марзия // Сборник сведений о кавказских горцах. ССКГ. Вып. 2. – Тифлис, 1969. – 65 с.
17. Казиев Н.Э., Гасанов Н.Н., Магаррамов М.Д. Проблема национальных отношений в трудах М.А. Абдуллаева // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 5. – С. 152–163.
18. Кафаров Т.Э. К 85-летию М.А. Абдуллаева со дня рождения и 65-летию его научной, педагогической и общественно-политической деятельности: сб. ст. – Махачкала: Эпоха, 2015.
19. Кафаров Т.Э. Ученый-энциклопедист (К 90-летию со дня рождения проф. М.А. Абдуллаева) // Научная мысль Кавказа. – 2020. – № 1 (101). – С. 94–100.
20. Магомедов К.М. Проблема субъекта в исламской теологии // Исламоведение. – 2015. – № 2. – С. 77–85.
21. Можаровский В. В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. – СПб.: ОВИЗО, 2002.
22. Наследие Мирзы Казем-Бека: История и современность; доклады и сообщения Международной научной конференции (г. Казань, 20–21 ноября 2013 г.) / гл. ред. Р.М. Валеев. – Казань: Фолиант, 2015. – 494 с.
23. Ракитянский Н.М. Опыт концептуального анализа исламского менталитета в контексте политической психологии // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. – 2012. – № 5. – С. 53–70.
24. Рзаев А.К. Мухаммед Али М. Казем-Бек. – М.: Наука, 1989.
25. Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 244 с.

References

1. Abdulkadyrov Yu.N., Hasanov N.N. genuine patriot of Dagestan and Russia // Social and humanitarian knowledge. 2017. № 1. Pp. 359–364.
2. Abdullaev M.A. Thinkers of Dagestan XIX and beginning. XX centuries. Makhachkala, Dagknigoizdat, 1963. – 267 p.
3. Abdullaev M.A. An important source of medieval Sufism // Questions of philosophy, 1987, № 7. Pp. 82–90.
4. Abdullaev M.A. Contradictions in the sphere of national relations // Kommunist. 1990. №. 17. Pp. 41–46.
5. Abdullaev M.A. To stabilize interethnic relations " // Free thought. 1995. № 9. Pp. 39–42.

6. Abdullayev M.A. Muhammad of Cuautla and his school. From the cultural and philosophical heritage of Dagestan, Part I. Makhachkala: Jupiter, 1994. – 180 p.
7. Abdullaev M.A. Actual problems of philosophical science. Makhachkala: Epoch, 1999. Part 1. – 320 p.
8. Alekseev P.V. Philosophers of Russia of the XIX—XX centuries. Moscow: Academic Project, 2002 – - 1152 p.
9. Alekseev P.V. Philosophers of Russia at the beginning of the XXI century. Biographies, ideas, works. Encyclopedic dictionary, Moscow: ROSSPEN, 2009. – 695 p.
10. Aliev A.K., Kafarov T.E. To the 80th anniversary of the birth and 60th anniversary of the scientific pedagogical and social activities of M.A. Abdullayev (collection). Makhachkala: Epoch, 2010. – 220 p.
11. Akaev V.Kh. Sufi culture in the North Caucasus: theoretical and applied aspects. 2nd ed., reprint. and add. – Grozny: Book publishing house, 2011. – 208 p.
12. Gamzatov G. Book about serious problems. – Dagestanskaya Pravda. 1988. – 9 April.
13. Hasanov N.N. Scientist, teacher, person // Social and humanitarian knowledge. 2011. № 6. pp. 195–205.
14. Kaziev N.E., Hasanov N.N., Magarramov M.D. The problem of national relations in the works of M.A. Abdullayev // Social and humanitarian knowledge. 2015. № 5. Pp. 152–163.
15. Kazembekov's readings: materials of the Intern. scientific image. Conf. Makhachkala, February 26–27 2019 / ed. edited by A. M. Abdulatipov; DGI; St. Petersburg state University. – Makhachkala: Dagest. the Humanities. in-t, 2019. – 321 p.
16. Kazem-Bek M. Shamil and Muridism. Makhachkala, 1990. – 125 p.
17. Kazikumukhsky Jemal ad-DIN. Adab al-Marziya. Collection of information about the Caucasian highlanders, vol. 2. Tiflis, 1969. – 65 p.
18. Kafarov T. E. To the 85th anniversary of M. A. Abdullayev's birth and the 65th anniversary of his scientific, pedagogical and socio-political activities. Makhachkala: Epoch, 2015. – 211 p.
19. Kafarov T.E. Scientist-encyclopedist (To the 90th anniversary of the birth of prof. M.A. Abdullayev) // Scientific thought of the Caucasus. 2020. № 1 (101). p. 94–100.
20. Magomedov K.M. The problem of the subject in Islamic theology // Islamic Studies, 2015, № 2. – Pp. 77–85.
21. Mozharovsky V.V. Criticism of dogmatic thinking and analysis of religious and mental foundations of politics. – SPb.: OVIZO, 2002. – 271 p.
22. Heritage of Mirza Kazem-Bek: History and modernity: Reports and reports of the International scientific conference (Kazan, November 20–21, 2013) / ed. by R. M. Valeev. – Kazan: Folio, 2015. – 494 p.
23. Rakityansky N. M. Experience of conceptual analysis of the Islamic mentality in the context of political psychology // Bulletin of the Moscow University. Ser. 12: Politicheskie nauki. 2012. № 5. P. 53–70.
24. Rzaev A.K. Muhammad Ali M. Kazem-Bek. – M.: Nauka, 1989. - 199 p.
25. Smirnov N.A. Muridism in the Caucasus. M.: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1963. – 244 p.